

Аркадий Мацанов

НАХИЧЕВАНЕЦ

Начало в № 5–8, 10, 11 (2012)

Первой сорок первого года был светлым и радостным. Повсюду висели красные флаги, портреты вождя, членов Политбюро, звучала музыка, почти на каждом углу стояли лоточницы в красивых белых фартуках и продавали газированную воду, леденцы, сладкие пирожки... Люди целыми семьями шли к местам сбора, откуда колоннами отправлялись на демонстрацию. Вдалеке грохотал духовой оркестр, а у дома Чалхушьянов слышались звуки большого барабана: бум-бум-бум-бум!

Ни Софья Андреевна, ни Варсеник, конечно, на демонстрацию не ходили. Но все же в честь праздника приготовили вкусный обед, зная, что к ним обязательно придут дочери со своими мужьями и детьми, и через час их дом снова наполнится голосами.

Все было как всегда, но уже тогда опытные люди говорили, что уж очень неспокойно в мире.

— Хорошо, что мы заключили союз с Германией, — говорил Карп Григорьевич, муж Искуги, откинувшись после сытного обеда на спинку стула. — Теперь к нам мало кто сунется. И торговля с ними оживилась. Сам видел, как из Кубани эшелоны с хлебом шли к нам...

Софья Андреевна души не чаяла в маленьком Гришеньке, возилась, играла и гуляла с ним. Варсеник командовала в доме, ходила на рынок, покупала топливо на зиму, которое заносили в сарай нанятые рабочие, варила, пекла... Ольга работала педиатром в роддоме и была вполне довольна работой. Коллектив небольшой, но дружный. Одна семья. Вместе волновались, когда у кого-то из сотрудников возникли трудности, вместе отмечали дни рождения.

Второй роддом пользовался авторитетом в городе, и нередко приходили сюда рожать женщины из других районов. В минуты затишья дежурная смена собиралась в ординаторской, пили чай, угощая друг друга домашними пирожками.

— Что это вы сегодня так сияете, милочка? — спросил Сергей Ярославович, с удивлением глядя на возбужденную Ольгу. Он выпил уже вторую чашку ароматного чая, приготовленного Ольгой «по своему рецепту». — Ваш Гришутка чем-то поразил?

— Нет, Ольга Львовна вчера в театр ходила, — сказала ему пожилая акушерка, приклеивающая в истории результаты анализов.

Ольга улыбнулась. — Ходила. Смотрела «Любовь Яровую». Сильный спектакль... До сих пор под впечатлением... Сергей Ярославович оживился.

— Однажды и мне довелось видеть театр Юрия Завадского. Правда, не здесь — в Таганроге. Приезжали он туда, кажется, прошлым или позапрошлым летом на гастроли. Спектакль назывался «Павел Греков». Там по ходу пьесы должны были исключить из партии хорошего парня. Секретарь парткома, карьерист и пройдоха, долго говорил обличительную речь и для порядка спросил: «Кто против?». По пьесе на сцене должны были прогослововать против только двое, но вдруг весь зрительный зал поднял руки! И держали их, пока актер, игравший Грекова, не обернулся к зрителям и не крикнул: «Спасибо, товарищи!» Грянули аплодисменты... Я запомнил тот спектакль надолго...

— Да... Прекрасный театр, и хорошо, что его построили на площади между Ростовом и Нахичеванью! Мне кажется, это символично... Помню, раньше

мы ходили в наш, Нахичеванский, что на Бульварной площади... Но это было давно. А в Москве ходила редко... Не до театров было...

Потом говорили еще о чем-то. Был конец рабочего дня. Пришла новая смена. Ольга убрала со стола и сказала:

— Пойду еще раз на новорожденных взгляну. Тревожит меня что-то ребяенок Назаровой...

Приходила домой Ольга уставшая, но довольная. Переодевшись, принималась за домашние дела. Нужно было постирать и развесить во дворе белье, искупать сынишку, помочь Варсеник по-хозяйству.

А 22 июня началась война... Софья Андреевна настаивала, чтобы Ольга с сыном уехала куда-нибудь вглубь страны, но так категорически отказывалась.

— Куда я поеду? К кому? Никто и нигде меня не ждет. Буду с вами. Да и в роддоме остались только две акушерки и мы с Сергеем Ярославовичем. А женщины меньше рожать не стали...

Потом, продолжая гладить белье, добавила:

— Да и не пойдут немцы до Ростова! Нет, я остаюсь!

Софья Андреевна боялась за Ольгу. Как могла, ее успокаивала Варсеник.

— Слушай, Софья, немцы тоже люди. Зачем Олье уезжать? Они уже были у нас в восемнадцатом. Звери они, что ли?! Что им Ольга сделала? А мы ее спрячем... Будет с Гришей возиться, а я — по-хозяйству. Что с нас взять?

Но когда в ноябре на неделю в город вошла дивизия СС, все с ужасом ожидали: сейчас должно произойти что-то страшное. Варсеник проклинала себя за то, что отговорила Ольгу уехать. Но прошел день, второй, и ничего страшного в доме Чалхушьянов не произошло.

Через неделю Ростов отбили наши войска.

— Они просто ничего сделать не успели, — говорила Софья Андреевна. — Простить себе не могу, почему я не настояла, чтобы ты, дочка, уехала. Нужно было подальше от всего этого кошмара! Сейчас наши пришли. Уезжай! Ты врач! Вы с Гришенькой не пропадете... Прошу тебя!

Освобождению Ростова от фашистов радовались даже те, кто сильно пострадал от большевистского террора.

Ольга продолжала ходить на работу. Правда, никто никакой зарплаты персоналу не платил, но женщины как могли благодарили докторов и акушеров, помогающих им в такое неспокойное время.

Осень сорок первого была голодной и тревожной. Население гоняли на строительство оборонительных укреплений. Женщины и старики рыли окопы. Цены на рынке подскочили. Через знакомого Ольге удалось купить тонну антрацита. Его привезли двумя подводами, и она с огромным трудом перетаскала уголь ведрами в сарай. Теперь можно было не бояться холодов!

Запасливая Варсеник еще летом, продав по настоянию Софьи Андреевны хозяйское столовое серебро, купила мешок муки, два мешка картошки, сало. Все это добро хранили в погребе, вырытом в сарае.

Новый год встретили тихо. В доме работало радио, и все с тревогой слушали последние известия и сводки с фронтов. Фашисты захватили Украину. Пали Одесса и Севастополь...

— Но Москву же отстояли! — рассуждала Софья Андреевна после таких передач. — Значит, можем!...

Сердце сжималось, как только по радио раздавались слова

Левитана: «От Советского Информбюро»... Никаких радостных известий старая картонная тарелка, висевшая в комнате, не приносила... Все с ужасом думали: что же будет?

Радио рассказывало о зверствах фашистов на оккупированных территориях, и это тоже бодрости людям не прибавляло.

Зима и весна сорок второго года прошли в страхе и тревожных ожиданиях.

Пару раз Ольга, уступая настойчивым просьбам Софьи Андреевны, обращалась с просьбой зачислить ее на службу.

— Я педиатр, но готова служить медицинской сестрой, — говорила она начальнику госпиталя, усталому и давно не бритому майору. Гимнастерка на нем висела как на вешалке, и было сразу видно, что он тоже недавно призван на службу и еще не привык к такой жизни.

— Нет, гражданочка. Взять вас не могу. Вы работаете в родильном доме, вот и работайте. А мы Ростов больше фашистам не сдадим!

Но в конце июля сорок второго года в город вошла семнадцатая армия вермахта.

Ростов замер. Улицы опустели. Даже собаки старались лишний раз не выбегать со двора. На пятнадцатой линии подвыпавший солдат устроил стрельбу по кошкам и собакам, наделал шума и успокоился лишь после того, как на звуки выстрелов примчались на мотоциклах работники комендатуры.

Через несколько дней в городе был вывешен приказ, в котором говорилось, что все евреи должны зарегистрироваться. Софья Андреевна Ольге категорически запретила это делать.

— Какая ты еврейка? Ты моя дочка, значит, ты армянка! Подумай о Грише!

— Но я не могу подвергать вас опасности. Ведь и вам может не поздоровиться. Я слышала, они убивают тех, кто прячет евреев!

— Аствац огнакан! Ну и зачем мне такая жизнь?! Сиди дома и даже во двор не выходи!

Софья Андреевна была совершенно растеряна, не знала, что делать, не раз вспоминала мужа, который в любых ситуациях находил выход. Ольга тоже не знала, что делать. Она боялась, что за укрывательство могут пострадать Софья Андреевна и Варсеник.

В газете «Голос Ростова» было опубликовано воззвание. В нем требовалось всем евреям явиться в восемь часов утра одиннадцатого августа на сборный пункт для организованного их переселения в особый район. Сборный пункт для жителей Нахичевани был определен на 20-й линии, 14.

— Дождались! И что теперь делать? Они же изверги! — Потом повернулась к Ольге, обесилена выдохнула: — Спрячься, и если придут, скажем, что ты уже ушла...

Но ранним утром в дом к Чалхушьянам постучали. У двери стоял тот самый рыжий верзил с белой повязкой на руке, который когда-то так бесцеремонно пришел поздним вечером в их дом и что-то требовал у Григория Христовича. Выпавший, он едва стоял на ногах и громко кричал.

— Эй, давайте вашу жидовку. Я провожу ее. Здесь недалеко... Сколько они у меня крови попили! Но теперь я им за все отплатю. Не люблю быть должным!

К нему вышла Варсеник и стала по-армянски о чем-то просить. Потом сняла с пальца золотое кольцо, сережки и протянула верзиле. Тот посмотрел кольцо, определяя примерно его

вес, на рубины сережек и кивнул:

— Хорошо! Только пусть ее шан тыћа (сукин сын) снимет штаны. Посмотрю, правда ли он не обрезанный, а то я знаю вас...

Варсеник взяла Гришу на руки и сняла с него штанишки. Мальчик, не понимая, чего от него хотят, расплакался.

— Ладно! Оставляй этого ублюдка, а жидовка пусть идет на сборный пункт! Где она? Или ты хочешь, чтобы я сюда пришел с немцами?

Из своей комнаты вышла Ольга. Она была бледная как полотно. Огромные ее глаза выражали ужас. Она взглянула на плачущего сынишку, но, убедившись, что он на руках у Варсеник, несколько успокоилась.

— Чего стоишь? Собирайся! Сегодня наша власть! — пьяно приказал рыжий. — Он попытался взять Ольгу за плечи, но она отстранилась.

На шум вышла Софья Андреевна. Женщины сначала стали верзилу умолять, предлагали деньги, золотые часы, которые когда-то подарил Григорий Христович Софье Андреевне, но полицейский был неумолим. Он схватил Ольгу за руку и уже не отпускал ее до самого сборного пункта. Ольга не упиралась, шла, совершенно смирившись со своей судьбой. Все мысли ее были о сыне. Полицей вел ее за руку, а следом шли плачущие и прокливающие его две старые женщины.

Так Ольга оказалась в толпе людей, стоящих у сборного пункта. Потом приехали машины и автобус. Не вместившихся в машины полицейские погнажи через весь город колонной к поселку Вторая Змиевка, где уже были вырыты огромные ямы. Не выжили к таким переходам старики едва плелись. Их поддерживали соседи. Кто-то падал за мертвое, люди, переступив через них, шли дальше. Вихрастый парнишка, шедший в соседнем ряду, рассказывал, что за несколько дней до этого в Змиевской балке рыли наши военнопленные, которых здесь же и расстреляли.

Ольга шла в середине колонны и смотрела на небо. Оно было белым, и на нем не было ни единой тучки...

В Змиевской балке, что на правом берегу реки Темерник, за Зоопарком и Ботаническим садом, и закончила свою жизнь Ольга Львовна Левина...

В последующие дни полицейские с помощью бывших соседей ловили евреев, не явившихся на сборные пункты, отвозили в Змиевскую балку и там расстреливали...

В конце войны Софья Андреевна сильно заболела. Это была сухая сгорбленная старушка, которой шел уже девяносто лет. Варсеник была моложе ее на десять лет, но и ей в сорок пятом исполнился семьдесят один. Шестилетний Гриша плохо понимал: что происходило вокруг. Целыми днями играл во дворе, возился в своем уголке, в котором стояла этажерка с самодельными игрушками. Их смастерила Варсеник, мастерица на все руки. Здесь были и шитые из тряпочек человечки, и старые довоенные кубики, и потерявший свой цвет, но все еще хороший резиновый мячик... Иногда к нему приходили друзья, и тогда они затевали танковые сражения, захватывали Гитлера в плен, и в качестве танков были пустые спичечные коробки, шестеренки, случайно найденные на улице, камешки... И все бы хорошо, но только очень хотелось есть.

Но Гриша знал, что плакать нельзя и вечером тетушка Варсеник сварит кашу, испечет лепешку. А может, испечет карто-

фельну. Что может быть вкуснее печеной картошки!

Родителей своих Гриша не помнил, но бабушка часто ему рассказывала о них. И мальчику они казались сказочными героями, а дедушка Гриша, так тот вообще казался ему богатырем — умным, сильным, справедливым.

Варсеник к Софье Андреевне не позвала доктора, который осмотрел больную, но так ничего и не прописал. Да и что он мог сделать? От старости лекарств еще не придумали.

А в апреле 1947 года на семьдесят третьем году жизни Софья Андреевна умерла. Прилетевший из Сочи Хачатур держал в голос плачущего Гришу и тихо говорил племяннику:

— Ты же мужчина! Мужчины не плачут!

А у самого слезы текли по щекам.

Но Гриша все не мог успокоиться, ведь Софья Андреевна была ему самым близким человеком. Правда, есть еще у него и Варсеник, и тетушки, и дядя, но их Гриша видел редко. Когда умерла Софья Андреевна, тетя Искуги предложила ему перебраться к ним, но Варсеник упростила не забирать от нее мальчика.

— Слушай! Что ты такое говоришь?! Ребенок здесь в школу ходит! Ко мне привык... Я без него не могу... Он мне сын...

— Внук! — улыбнулась Искуги.

— Пусть — внук! Слушай, зачем ты меня хочешь обидеть? Давай у него спросим: хочет к тебе ехать?

Муж Искуги вернулся с войной подполковником, при орденах и медалях, но без ноги. Раньше он работал на Ростсельмаше мастером сборочного цеха, а сейчас — в отделе кадров завода. Да и дети подросли. За ними глаз да глаз нужен. А жили они все в той же двухкомнатной квартирке, которую получили еще до войны. Их дом был цел среди немногих.

Искуги понимала, что Гришу даже уложить в их квартире будет трудно.

А муж Изабеллы погиб при форсировании Днепра, дом их разбомбили, и она с дочкой жила в комнате, выделенной с места работы. Переезжать в отчий дом не собиралась, во-первых, потому, что дочери от места, где они жили, было ближе к институту, а во-вторых, потому что она познакомилась с мужчиной, у которого была прекрасная квартира в центре города... Но все они пообещали помогать Варсеник и Грише.

Карп Григорьевич принес Грише теплую армейскую шапку с красной звездой. Правда, шапка была велика, но зато зимой в ней было очень тепло. Изабелла привозила иногда мясо, крупы, картофель... Она работала на базе, снабжающей продуктами больницы и детские учреждения, и ей удалось все это добро купить дешевле, чем оно стоило на базаре...

Годы шли. В четырнадцать лет Гришу определили в ремесленное училище, где он осваивал специальность токаря и учился в вечерней школе. Потом какое-то время работал на Ростсельмаше, куда ему помог устроиться Карп Григорьевич.

А в 1955 году в их дом почтальон принес повестку. Гришу призвали в армию.

Нужно ли говорить, как горевала Варсеник?! Одна во всем мире, в солидном возрасте, она не могла даже надеяться на чью-то помощь.

Перед тем как уехать, Григорий зашел к своим тетушкам, и просил не бросать Варсеник без него. Тетушки обещали...

Продолжение следует